

Как Маркиз вернул своё пальто

Нил Гейман

Прекрасное пальто. Просто замечательное. Единственное в своём роде. Это из-за него Маркиз Карабас оказался теперь прикован к столбу посреди круглой комнаты, глубоко под землёй, а вода тем временем поднималась всё выше и выше. Пальто имело тридцать карманов: семь заметных, девятнадцать потайных, и ещё четыре даже самому Маркизу не всегда удавалось обнаружить.

Однажды (к столбу с цепями, круглой комнате и прибывающей воде мы ещё вернёмся) Маркизу Карабасу досталось от Виктории – «досталось», пожалуй, сильно сказано, хотя и не без некоторых на то оснований – увеличительное стекло. Чудесная вещица: золочёная, изукрашенная, с цепочкой, херувимчиками и гаргульями; и не простая лупа – сквозь это стекло любой предмет выглядел прозрачным. Где Виктория его взяла, Маркиз понятия не имел, но он-то стянул у неё стёклышко в счёт платы, которую не получил в условленном размере: в конце концов, нелёгкая была работёнка – отыскать в том самом Замке дневник того самого Слона и ускользнуть с этим дневником целым и невредимым. Так вот, Маркиз спрятал волшебную лупу в один из тех четырёх невидимых карманов, да так потом и не нашёл.

Пальто Маркиза было сшито из кожи цвета мокрого асфальта в полночный час. Кроме карманов, у пальто имелись великолепные рукава, внушительный воротник и большая шлица, а самое главное – стиль.

Некоторые утверждают, что человека делает одежда; в общем-то, они не правы. Но когда мальчишка, будущий Маркиз, впервые примерил пальто и увидел себя в зеркале, плечи его развернулись, вся осанка изменилась; глядя на своё отражение, он ясно понял, что хозяин такой вещи – не просто юнец, мелкий воришка, торгующий одолжениями. Пальто было ему тогда ещё великовато, и он с улыбкой припомнил картинку из книжки: кот, стоящий на задних лапах, очень довольный собой, в красивом наряде и огромных, на зависть, сапогах. Тогда он выбрал себе имя.

Без сомнения, такое пальто мог носить только Маркиз Карабас. Хотя он никогда не знал точно, куда ставить ударение, и говорил то так, то эдак.

Воды было уже ему по колено, и он подумал: «Этого бы не случилось, будь на мне моё пальто».

Такой плохой недели у Маркиза Карабаса ещё не выдавалось, и перспективы тоже были не радужные. Правда, он успешно вернулся с

того света, и перерезанное горло быстро заживало. Даже появившаяся хрипотца в голосе, можно сказать, ему шла. Тут он был в выигрыше.

Но вообще-то в смерти хорошего мало, даже если потом оживёшь, и хуже всего, что его пальто пропало.

От Сточного народа толку было не добиться.

– Вы продали мой труп, – сказал Маркиз. – Это бывает. Но вы и вещи мои продали. Будьте добры вернуть. Я заплачú.

Данникин из Сточного народа пожал плечами.

– Продали, – ответил он. – И тебя продали. Проданного не вернёшь. Так не делается.

– Речь идёт, – уточнил Маркиз Карабас, – о моём пальто. Я твёрдо намерен получить его обратно.

Данникин опять пожал плечами.

– Кому вы его продали? – допытывался Маркиз.

Житель сточных труб не ответил. Он вообще как будто не слышал вопроса.

– Могу вам предложить духи, – сказал Маркиз терпеливо, хотя разговор его порядком раздражал. – Восхитительные, изумительные, потрясающие ароматы. Только для вас.

Данникин бесстрастно уставился на Маркиза. Потом провёл пальцем поперёк горла. «Что за манеры, ни капли изящества», – подумал Маркиз, но вопросы задавать перестал. Ясно, что Сточные ничем ему не помогут.

Маркиз отправился на поиски чего-нибудь съестного. Нынешний Плавучий рынок расположился в галерее Тэйт, а прилавки с едой – в зале прерафаэлитов. Почти все торговцы уже свернули свой товар. Только печальный человечек продавал какую-то колбасу, и в углу, под картиной Берн-Джонса, изображающей стайку девушек в воздушных платьях на золотой лестнице, притулился Грибной народ со столами, стульями и жаровней. Маркиз уже пробовал колбасу у печального человечка, а наступать на одни и те же грабли было не в его привычках. Он направился к прилавку Грибного народа.

За прилавком стояло трое: двое юношей и девушка, одетые в старые дафлкоты и шинели – списанные армейские излишки. От них пахло сыростью. Они смотрели исподлобья и щурились, как будто свет резал им глаза.

– Что продаёте? – спросил Маркиз.

– Гриб. Гриб на гренках. Гриб сырой.

– Мне на гренках, – заказал Маркиз, и худенькая, бледная, как остывшая овсянка, девица отрезала ломтик от гриба-дождевика размером с хороший пень. – И прожарьте хорошенько, – велел он ей.

– Смелее. Ешь сырым, – сказала девушка. – Как мы.

– Мне уже случалось иметь дело с Грибницей, – ответил Маркиз. – Увы, мы не нашли общий язык.

Девушка положила ломтик гриба на жаровню.

Один из её сородичей, высокий сутуловатый юноша, протиснулся поближе к Маркизу и налил ему стакан грибного чая. От его одежды несло старым погребом, и когда юноша склонился над прилавком, Маркиз заметил у него на щеке россыпь белёсых прыщиков – грибков, проросших сквозь кожу.

Грибник прошептал:

– Ты Маркиз? Штукарь?

«Штукарём» Маркиз себя не считал. Но ответил:

– Да, это я.

– Я слышал, ты потерял пальто. Я видел, как Сточные его продали.

В прошлый базарный день. В Белфасте¹. Я видел, кто его купил.

Маркиз насторожился.

– И сколько стоят твои сведения?

Грибник облизал губы замшелым языком.

– Мне нравится одна девушка. Но она меня не замечает.

– Грибница?

– Если бы. Будь мы едины в любви и во Грибе, всё было бы просто.

Нет. Она из Врановых, из Рейвенскорта². Но иногда бывает здесь. Мы разговариваем. Вот как с тобой сейчас.

Маркиз не посочувствовал юноше и даже не съязвил. Он только приподнял бровь.

– Значит, она не отвечает на твои чувства. Весьма странно. Ну, а чем же я могу помочь?

Юноша сунул руку в карман дафлкота и вытащил прозрачную коробочку для бутербродов. Внутри был конверт.

– Я написал ей письмо. Стихи. Хотя не такой уж я поэт. Чтобы она знала о моей любви. Но если я сам ей отдам, она не станет читать. А вот если бы ты... у тебя, что называется, язык подвешен...

Он умолк.

– Ты полагаешь, если я вручу ей письмо, она его непременно прочтёт и оценит твою куртуазность?

Грибник недоумённо воззрился на Маркиза, потом осмотрел свой дафлкот.

– У меня куртки нет. Только вот это.

Маркиз подавил безнадежный вздох. Девушка-грибница поставила перед ним треснутую пластиковую тарелку с дымящимся ломтиком.

Маркиз осторожно ткнул его пальцем – хорошо ли прожарился? Не дай бог остались живые споры. Идея симбиоза Маркиза Карабаса не вдохновляла – он был для этого слишком эгоистичен.

Оказалось даже довольно вкусно. Маркиз с аппетитом жевал и глотал, хотя глотать было больно.

– Так ты хочешь, чтобы я доставил ей твою эпистолау?

– Это ты о письме? О моих стихах?

– Именно.

– Ну да. И чтобы она при тебе прочла, и чтобы ты принёс мне ответ.

Маркиз смерил юношу оценивающим взглядом. Запах от него шёл затхлый, шею и щёки обсыпал грибок, волосы свисали немывтыми прядями, но из-под густой чёлки смотрели внимательные голубые глаза, юноша был высок ростом и отнюдь не производил отталкивающего впечатления. Его бы отмыть, причесать да грибы с него обобрать, подумал Маркиз, был бы парень хоть куда.

– Я положил письмо в коробку, – сказал юноша. – Чтобы оно по пути не намокло.

– Весьма предусмотрительно. Теперь говори, кто купил моё пальто.

– Какой ты быстрый. А о моей возлюбленной не хочешь спросить? Её зовут Друзилла. Она самая красивая девушка в Рейвенскорте. Ты её сразу узнаешь.

– Красота, как говорится, в глазах смотрящего. Особые приметы есть?

– Я же сказал тебе: она Друзилла. Больше никого так не зовут. И у неё на руке большая красная родинка, как звёздочка.

– Вряд ли у грибника с вранницей что-то получится. С чего ты решил, что она бросит свой Рейвенскорт ради твоих подвалов? Провести жизнь среди грибов – я бы сказал, сомнительное удовольствие.

Юный грибник пожал плечами.

– Она меня полюбит. Прочитает стихи – и полюбит. – Он рассеянно поднял руку к правой щеке и стал крутить пальцами ножку маленького гриба, похожего на раскрытый зонтик. Наконец грибок оторвался и упал на прилавок. Юноша взял его, повертел ещё немного. – По рукам?

– По рукам.

– Насчёт того типа, который купил пальто, – сообщил грибник, – он ходил с палкой.

– Мало ли кто ходит с палкой, – возразил Маркиз Карабас.

– Палка была с крючком на конце, – уточнил грибник. – А сам он – вылитая жаба. Низенький и толстый. Волосы цвета гравия. Ему пальто нужно было, вот твоё и приглянулось.

Он забросил грибок в рот и стал жевать.

– Просто бесценная информация. Можешь не сомневаться, я передам твой пламенный привет прекрасной леди Друзилле в целости и сохранности, – бодро заявил Маркиз, хотя настроение у него испортилось. Он потянулся через прилавок, взял из рук грибника коробочку с письмом, сунул её во внутренний карман рубашки и пошёл прочь, думая о человеке с крючковой палкой.

Вместо пальто Маркиз Карабас завернулся в одеяло, на манер пончо, и был от этого далеко не в восторге. Он хотел вернуть своё пальто. «О птице по перьям не судят», – вспомнились Маркизу чьи-то слова,

слышанные в детстве; кажется, так говорил его брат, а Маркиз изо всех сил старался навсегда забыть этот голос.

Палка с крюком. У человека, который купил его пальто у Сточного народа, была палка с крюком на конце.

Маркиз Карабас задумался.

Маркизу нравилось быть Маркизом. Включая его привычку, если уж идти на риск, то риск этот просчитывать дважды и трижды.

На этот раз – даже и четырежды.

Маркиз Карабас никому не доверял. Пользы для дела от этого не было никакой, а неприятных прецедентов – сколько угодно. Он не доверял ни друзьям, ни любовницам, ни тем более своим нанимателям. Полностью и безоговорочно Маркиз Карабас верил только самому себе, внушительной фигуре в необыкновенном пальто, тому, кто мог обыграть, уболтать и перехитрить хоть чёрта лысого.

Кто носит палки с крючком на конце? Епископы. И пастухи.

У епископов из Бишопсгейта³ крючки на палках были чисто символические, не более чем украшения безо всякой полезной функции. И потом, епископам пальто ни к чему. Они носили рясы – белые, длинные, вполне симпатичные рясы.

Епископов Маркиз не боялся. И знал, что Сточный народ тоже их не боится. А вот пастухи из Шепердс-буш⁴ – совсем другое дело. Даже при своём пальто, в лучшие времена, когда Маркиз был здоров и силен и мог бы, если что, созвать небольшую армию, встречаться с пастухами он не имел ни малейшего желания.

Может, заглянуть всё-таки в Бишопсгейт, отдохнуть денька два и убедиться уж наверное, что пальто там нет?..

Маркиз театрально вздохнул и отправился на поиски проводника.

Проводник – точнее, проводница – оказалась крошечного роста, со светлыми волосами ёжиком. Сначала Маркиз принял её за подростка, но, проведя с девчонкой полдня, убедился, что лет двадцать ей точно есть. Он пытался уговорить с полдюжины проводников, но согласилась только Ниббс – так она представилась. Держалась уверенно, а как раз уверенности ему сейчас не хватало. Они вдвоём вышли из конторы по найму провожатых, и Маркиз сообщил Ниббс оба места назначения.

– Куда сначала? – спросила Ниббс. – В Шепердс-буш или в Рейвенскорт?

– Рейвенскорт может подождать. Простая формальность. Всего лишь передать письмо некой Друзилле.

– Любовное письмо?

– Надо полагать, да. А что?

– Я слышала, эта Друзилла и впрямь красавица, но характер у неё не сахар. Имеет, знаешь ли, дурную привычку превращать тех, кто ей не понравится, в хищных птиц. Чтобы ей писать письма, надо крепко втюриться.

– Боюсь, я не знаком лично с этой юной леди, – ответил Маркиз. – Письмо писал не я. Неважно, в общем-то, куда мы сначала пойдём.

– Знаешь что, – задумчиво протянула Ниббс, – вдруг с тобой в Шепердс-буш случится что-то ужасное. Пойдём-ка сперва в Рейвенскорт. По крайней мере Друзилла получит своё письмо. Не обязательно, конечно, что-нибудь такое произойдёт, но лучше, как говорится, перебдеть, чем недобдеть.

Будь Маркиз Карабас в своём пальто, он бы точно знал, что делать. Но укутавшись, как сейчас, в одеяло, Маркиз был ни в чём не уверен. Он взглянул на девчонку, изобразил как можно более убедительную улыбку и ответил:

– Значит, в Рейвенскорт.

Ниббс кивнула и зашагала по тропе. Маркиз двинулся следом.

Дороги Под-Лондона совсем не те, что наверху, и полагаться тут вернее не на карты, а на собственное мнение, убеждение и обычай.

Карабас и Ниббс – две крошечные фигурки – шли по туннелю, высеченному из старого белого камня. Шаги их гулко отдавались под высокими сводами.

– Ты ведь Карабас, да? – спросила Ниббс. – Тебя все знают. Разве ты сам не можешь добраться куда тебе нужно? Зачем тебе проводник?

– Одна голова хорошо, а две лучше, – буркнул Маркиз. – И четыре глаза лучше, чем два.

– У тебя вроде было какое-то шикарное пальто?

– Было.

– И куда же оно делось?

Маркиз промолчал. Потом решительно заявил:

– Я передумал. Идём в Шепердс-буш.

– Как хочешь, – ответила девчонка. – Мне всё равно. Только я тебя подожду снаружи.

– Умница девочка.

– У меня имя есть, – напомнила она. – Я Ниббс. Знаешь, почему я стала проводницей? Это целая история. Хочешь, расскажу?

– Не особенно, – пробормотал Маркиз. Он был не в настроении попусту болтать, а девчонке уже хорошо заплатил. – Пройдёмся в тишине, если ты не возражаешь.

Ниббс кивнула и замолчала. Они дошли до конца туннеля, спустились по лесенке из металлических колец, вделанных в стену. Только на берегу Мортлейка⁵, огромного подземного Озера Мертвецов, зажигая свечу, чтобы дать сигнал лодочнику, Ниббс заговорила снова.

– Крепостным проводникам люди верят больше. Крепостные куда попало не заведут.

Маркиз буркнул только «угу». Он соображал, как вести себя в Шепердс-буш, просчитывал ходы и выходы. Трудность была в том, что предложить пастухам ему было нечего.

– Один раз заведёшь – потеряешь работу, – продолжала болтать Ниббс. – Вот что значит быть крепостным.

– Знаю, – бросил Маркиз. Попался же ему на редкость надоедливый проводник. Одна голова хорошо, а две лучше только при том условии, что вторая помалкивает. А эта мало того что трещит без умолку, так хоть бы что новое сказала.

– Меня закрепили, – сообщила Ниббс, – на Бонд-стрит.

И она показала цепочку на запястье.

– Что-то лодочника не видно, – заметил Маркиз.

– Скоро приплывёт. Ты смотри в ту сторону, как увидишь, покричи ему. А я тут покараулю. Не пропустим.

Они стали вглядываться в тёмные воды Тайберна⁶. Ниббс подала голос:

– Я ещё маленькая была, а родители меня уже учили на проводницу. Они говорили, что только так можно восстановить честь.

Маркиз обернулся к девушке. Она держала свечу перед собой, на уровне глаз. «Вот и приплыли», – подумал Маркиз. Только сейчас он понял, что надо было слушать девчонку внимательно с самого начала. «Теперь всему конец».

– Кто ты, Ниббс? Откуда ты родом?

– Там, откуда я, тебе больше не рады, – ответила девушка. – Я рождена и воспитана верноподданной Слона и Замка⁷.

Тут что-то с размаху ударило Маркиза по затылку. В глазах у него вспыхнуло и потемнело, он рухнул на землю и больше ничего не помнил.

Маркиз Карабас не мог шевельнуться. Он лежал на боку со связанными за спиной руками.

Он был без сознания. Теперь пришёл в себя. Но если его похитители пока этого не заметили, не стоит их разочаровывать, решил Маркиз. Он чуть-чуть приподнял веки и попытался что-нибудь рассмотреть через щёлочку.

– Не придуривайся, Карабас, – раздался низкий скрипучий голос. – Меня не проведёшь. У меня большие уши. Я слышу твоё сердце. Открой глаза как следует, проныра. Будь мужчиной.

Маркиз узнал голос, но очень надеялся, что ошибся. Он открыл глаза и увидел ноги. Человеческие босые ноги. Пальцы были плотно сжаты, а кожа – красно-коричневого цвета. Знакомые ноги. Увы. Так и есть.

Какая-то часть его сознания ругалась на чём свет стоит. Темпл и Арка!⁸ Ниббс ему *говорила*, а он ушами хлопал. Но даже злясь на собственную рассеянность и глупость, Маркиз нашёл в себе силы выдавить улыбку.

– Что ж, это в самом деле честь, – прохрипел он. – Однако не стоило так утруждать себя организацией нашей встречи. Одно слово Вашей светлости, что Вы желаете меня видеть, и я бы сразу...

– ...улепётнул со всех своих тонких ножек в противоположном направлении, – ответил хозяин красно-коричневых ног. Он вытянул свой длинный, гибкий, сине-зелёный хобот и перевернул Маркиза на спину.

Маркиз стал потихоньку тереть верёвку на запястьях о бетонный пол.

– Вовсе нет. Совсем даже наоборот. Словами не описать, как я рад оказаться в Вашем толстокожем обществе. Могу я нижайше просить развязать мне руки, дабы я мог приветствовать Вас, как подобает... эээ... Вашей слоновости?

– И не подумаю, учитывая, с каким трудом мне удалось тебя поймать, – ответил его собеседник. У него была зеленовато-серая слоновья голова и острые бивни, на концах вымазанные чем-то бурым. – Видишь ли, когда всё выяснилось, я поклялся, что ты будешь у меня вопить и молить о пощаде. И ещё я поклялся, что на все твои мольбы отвечу «нет».

– Ничто ведь не мешает ответить «да», – заметил Маркиз.

– Мешает, – отрезал Слон. – Попраение законов гостеприимства непростительно.

Маркиз взялся украсть у Слона дневник и доставить его Виктории в дни далёкой молодости – своей и всего этого мира. Слон был злобен и спесив, ни разу в жизни не проявил великодушия, к тому же у него начисто отсутствовало чувство юмора. Маркиз Карабас считал, что Слон просто-напросто глуп и вряд ли сообразит, какое отношение он, Маркиз, может иметь к пропаже дневника. Это было давно – с тех пор Карабас заметно поумнел.

– И все эти годы Вы воспитывали проводницу, на тот маловероятный случай, что я её найму, и тогда она меня предаст? – подытожил Маркиз. – Что же Вы так близко к сердцу всё принимаете.

– Ты меня плохо знаешь, – ответил Слон. – Это ещё мягкие меры с моей стороны. И воспитанием проводницы я не ограничился.

Маркиз попытался сесть. Слон толкнул его ногой обратно на пол.

– Проси пощады, – приказал он.

Ну, это было нетрудно.

– Пощадите! – воскликнул Маркиз. – Прощу! Умоляю! Явите великий дар милосердия! Не подобает ли могучему Слону, властителю сей земли, снизойти к тому, кто не достоин стереть пыль с его великолепных пяток...

– Что-то я не пойму, – сказал Слон. – Ты издеваешься надо мной?

– Боже упаси. Ни в коем случае. Я абсолютно серьёзен.

– Теперь вопи, – велел Слон.

Не так-то легко вопить, когда ещё не зажило перерезанное горло, но Маркиз Карабас старательно тянул ноту как можно дольше, как можно громче и как можно жалобнее.

– Даже вопишь ты издевательски, – заметил Слон.

Из стены торчала большая чёрная чугунная труба. На трубе был вентиль. Слон налёг на него, повернул, и из трубы закапала жидкая грязь, а потом тонкой струйкой полилась вода.

– Дренажный слив, – пояснил Слон. – Так вот. Я плачú по счетам, Карабас. Ты ловко скрывался все это время, с тех пор как перешёл мне дорогу. Поскольку свою жизнь ты хранил в надёжном месте, не было смысла что-то предпринимать. У меня свои люди по всему Под-Лондону: те, с кем ты ел за одним столом, ночевал под одной крышей, шутил шутки и даже как-то раз переспал в башне Биг Бена, но пока твоя жизнь была припрятана от греха подальше, я ничего не мог тебе сделать. Наконец на прошлой неделе до меня дошли слухи, что заветная шкатулка пуста, и я посулил свободу Замка тому, кто даст мне возможность...

– ... услышать мольбы о пощаде, – подхватил Маркиз. – Вы говорили, да.

– Не перебивай, – мягко попросил Слон. – Я посулил свободу Замка тому, кто даст мне возможность увидеть тебя мёртвым.

Он отвернул вентиль до конца, и струйка воды превратилась в бурный поток.

– Должен Вас предупредить. Тот, кто убьёт меня, – торопливо сказал Карабас, – будет навеки проклят.

– Пожалуй, я рискну, – ответил Слон. – Тем более что, скорее всего, ты выдумываешь. А вот моя идея тебе понравится. Зал наполнится водой, и ты утонешь. Потом я спущу воду, войду и как следует посмеюсь. – И Слон громко протрубил в хобот, что, вероятно, представляло собой слоновий способ смеяться.

Ноги шагнули в сторону и пропали из поля зрения Маркиза. Закрылась с громким стуком дверь. Маркиз лежал в луже. Он корчился и извивался и наконец сумел встать. Лодыжку его охватывало металлическое кольцо, от которого тянулась цепь к столбу посередине зала.

Если бы только на нём было его пальто! Там в карманах лежали лезвия и отмычки; там были на вид совершенно обычные безобидные пуговицы – но только на вид. Маркиз стал тереть верёвку о столб, надеясь её истончить. Но верёвка намокла, разбухла, ещё сильнее впилась в тело, и Маркиз только содрал кожу с ладоней и запястий. Вода поднималась и была уже ему по пояс.

Карабас огляделся. Всего-то и нужно – освободить руки (для этого, очевидно, придётся расшатать столб, к которому он привязан), потом снять кандалы, закрыть воду, выбраться из комнаты и улизнуть, не

наткнувшись по дороге на Слона, объятого жаждой мести, и его пособничков всякого рода.

Маркиз дёрнул столб. Столб не поддавался. Маркиз дёрнул сильнее. Безрезультатно.

Маркиз Карабас привалился к столбу и вспомнил о смерти – настоящей, окончательной смерти. И ещё он вспомнил своё пальто.

Кто-то прошипел ему в ухо:

– Тссс!

Путы на его руках натянулись и распались. Только теперь, потирая онемевшие запястья, Маркиз ощутил, как туго его связали. Он обернулся.

– Ты?!

Ослепительная улыбка, невинно-дерзкий взгляд – это лицо Маркизу было знакомо так же хорошо, как его собственное.

– Нога, – сказал человек и улыбнулся ещё ослепительнее.

Маркиз не поддался его сногшибательному обаянию. Он поднял ногу, человек наклонился, пошурудил в замке куском проволоки и снял кандалы.

– Я слышал, ты угодил в переделку, – сказал человек с такой же тёмной, как у Маркиза, кожей; ростом повыше – совсем чуть-чуть, но держался он так, словно превосходил всех остальных по меньшей мере на голову.

– Вовсе нет. Не стоило беспокоиться. Я в полном порядке.

– Не похоже. Я только что спас тебе жизнь.

Маркиз проигнорировал это замечание.

– А где Слон?

– За дверью, со своей шайкой. Когда зал наполняется водой, двери запираются автоматически. Он не мог остаться здесь, иначе тоже попал бы в ловушку. На это я и рассчитывал.

– Рассчитывал?

– Разумеется. Я несколько часов следил за ними. Как только услышал, что ты куда-то пошёл с этой шпионкой. Я сразу подумал: «Это он зря. Придётся выручать».

– Ты... что подумал?!

– Брось, – сказал человек, похожий на Маркиза Карабаса, только ростом повыше, и самую чуточку (кому-то могло так показаться, но уж конечно, не Маркизу) красивее его, – ну неужели я дал бы в обиду своего младшего брата?

Они оба стояли уже по пояс в воде.

– Я в полном порядке, – повторил Маркиз. – У меня всё под контролем.

Его брат тем временем направился в дальний угол комнаты. Он опустился на колени, пошарил под водой, потом выудил из заплечного мешка что-то вроде ломика, сунул одним концом под воду и нажал.

– Приготовься, – предупредил он. – Пойдём короткой дорогой.

Маркиз всё ещё разминал пальцы, в которые будто впились сотни иголок.

– Что там такое? – спросил он деланно равнодушно.

– А вот, гляди, – ответил его брат и поднял квадратную металлическую крышку. – Сточная труба.

Маркиз не успел ничего возразить. Брат подхватил его под мышки и уронил в дыру в полу.

«Кажется, на ярмарках бывают такие развлечения», – мелькнуло в голове у Маркиза. Люди за это ещё и деньги платят – если, конечно, уверены, что живыми слезут с аттракциона.

Его несло по трубам мощным потоком воды, швыряя о стенки, всё глубже и глубже. Маркиз был уже весь в синяках и шишках и серьёзно сомневался, что доживёт до конца этого «веселья».

Наконец его выбросило из трубы на металлическую решётку, на вид довольно-таки хлипкую. Опасаясь, что решётка не выдержит его веса, Маркиз отполз с неё на каменный пол – и вовремя. Вслед за Маркизом из трубы с каким-то странным звуком вылетел его брат и ловко приземлился на обе ноги – он явно не впервые проделывал такой трюк.

– Правда, здорово? – расплылся он в лучезарной улыбке.

– Да не очень-то, – дрожа, проворчал Маркиз. – Мне послышалось, или ты вот только что визжал от восторга?

– Конечно! А ты разве нет?

Карабас с трудом поднялся на ноги.

– И как тебя теперь зовут?

– Всё так же.

– *Перегрин* ведь не настоящее твоё имя, – заметил Маркиз Карабас.

– Меня оно вполне устраивает. Метит территорию и заявляет о намерениях⁹. А ты всё ещё зовёшься Маркизом?

– Зовусь, потому что я и есть Маркиз, – заявил Маркиз. Выглядел он сейчас, конечно, как мокрая курица, и заявление прозвучало неубедительно. Он чувствовал себя глупо и жалко.

– Как хочешь. Ну, я пошёл. Я ведь тебе больше не нужен? Смотри не влипни ещё куда-нибудь. Можешь не благодарить.

Хуже всего, что Перегрин говорил всерьёз.

Маркиз Карабас злился сам на себя. Он не хотел произносить того, что нужно было сказать. Но делать нечего.

– Спасибо, Перегрин.

– Ах да! – воскликнул Перегрин. – Твоё пальто. Говорят, оно попало в Шепердс-буш. Больше я ничего не знаю. Так что... Мой тебе совет. Из лучших побуждений. Хотя ты ничьих советов не слушаешь. Но, знаешь, шут с ним, с этим пальто. Забудь. Купи новое. Ну правда.

– Пока, – сказал Маркиз.

– Пока, – ответил Перегрин, просиял улыбкой, отряхнулся, как собака, оросив всё вокруг, скользнул во мрак туннеля и исчез.

Маркиз Карабас остался обтекать и дуться.

Скоро Слон обнаружит, что в круглом зале нет ни воды, ни мёртвого Маркиза, и пустится в погоню.

Маркиз проверил карман рубашки: коробочка с письмом была на месте и даже не промокла.

Всё-таки что-то тут не то, подумал Маркиз. Ему с самого начала так показалось. Зачем юному грибнику было нужно, чтобы именно Маркиз Карабас доставил письмо леди Друзилле? И разве может вообще какое-то письмо убедить вранницу, да ещё со звездой на руке, бросить придворную жизнь ради Грибного народа?

У Маркиза закралось подозрение. Очень неприятное подозрение. Но сейчас важнее были другие проблемы.

Можно было бы спрятаться. Залечь на дно и выждать, пока всё успокоится. Но как же пальто? Маркиза Карабаса только что спас – спас! – его собственный брат, событие просто из ряда вон. «*Купи другое*». Маркизу не нужно было другое. Маркизу было нужно *его* пальто.

А его пальто теперь у пастухов.

У Маркиза Карабаса всегда был план А и план Б, а в случае если и тот и другой накрывались медным тазом, обнаруживался настоящий план под буквой В, о котором Маркиз сам не подозревал до нужного момента.

Но на этот раз, как ни печально было признать, плана у Маркиза не было. Даже самого завалящего, простенького, скучного плана, которой можно отвергнуть, если дело примет щекотливый оборот. Было только *желание*, и оно гнало Маркиза вперёд так же, как любовь, голод или страх гонят тех, кого он всегда презирал за слабость характера.

У него не было плана. Он просто хотел вернуть своё пальто.

Маркиз двинулся в путь с любовным письмом в кармане, сырым одеялом на плечах и досадой на своего брата за то, что он его спас.

Когда создаёшь себя сам практически из ничего, нужен образец – положительный или отрицательный – каким ты хочешь быть или совсем не хочешь.

Маркиз с детства знал, каким он быть *не* хочет. Он определённо не хотел быть похожим на Перегрин. Он вообще ни на кого не хотел быть похожим. Он хотел быть элегантным, неуловимым, великолепным и, самое главное, исключительным.

Совсем как Перегрин.

Когда-то Маркиз помог беглому пастуху из Шепердс-буш перебраться через Тайберн. Беглец провёл недолгий, но счастливый остаток своих дней в качестве полкового шута в Римском Легионе¹⁰, который стоял на берегу реки, тщетно ожидая приказов. Этот человек сказал Маркизу Карабасу: «Штука в том, что пастухи *не заставляют*.

Они просто поощряют и используют твои собственные желания и побуждения. Ведёшь себя, в конце концов, вполне естественно, но только так, как нужно пастухам».

Маркиз вспомнил эти слова. А потом забыл снова. Ему было страшно остаться одному.

Маркиз Карабас до сих пор и не представлял, до какой степени он на самом деле боится одиночества, и с радостью заметил других людей, идущих с ним в одну сторону.

– Я рад, что ты с нами, – окликнул его кто-то.

– Я рад, что ты с нами, – подхватил другой.

– Я рад, что я с вами, – отозвался Карабас. Куда он идёт? Куда они все идут? Хорошо, что они вместе. Вместе безопаснее.

– Хорошо, что мы вместе, – сказала худенькая бледная женщина, счастливо вздохнув. И она была права.

– Хорошо, что мы вместе, – ответил Маркиз.

– Правда. Вместе хорошо, – сказал его сосед с другой стороны. В нём было что-то знакомое: огромные уши, как опахала, а вместо носа – толстая серо-зелёная змея. Маркиз пытался вспомнить, где он его раньше мог видеть, и вдруг почувствовал, что к его плечу легонько прикоснулся человек с длинной крючковатой палкой.

– Мы ведь не хотим отстать от других? – укоризненно проговорил человек, и Маркиз подумал: «Конечно, нет», прибавил шаг и снова пошёл в ногу.

– Вот молодец. С шага сбиться – ума лишиться, – сказал человек с палкой и прошёл вперёд.

– С шага сбиться – ума лишиться, – повторил Маркиз вслух и удивился, как это ему раньше не приходила в голову такая простая и очевидная мысль. Но какой-то очень тихий голосок в его мозгу всё-таки поинтересовался: «А что это значит?»

Наконец они добрались до цели. Хорошо было оказаться среди друзей.

Время тут текло как-то странно, но скоро Маркизу и его другу с серо-зелёным лицом и длинным носом дали работу, настоящую работу, и вот какую: они избавлялись от тех членов стада, кто уже не мог ни двигаться, ни работать и отдал всё, что мог отдать. Бесплезные останки – волосы, жир и прочее – они бросали в яму. Работа была грязная, смены – долгие и утомительные, но Маркиз с другом трудились вместе и не сбивались с шага.

В трудах праведных прошло несколько дней, когда Маркиз заметил внешний раздражитель. Кто-то старался привлечь его внимание.

– Я шёл за тобой, – шептал незнакомец. – Знаю, ты этого не любишь. Но пришлось.

Маркиз не мог понять, о чём он говорит.

– У меня есть план. Мы сбежим, как только я тебя разбужу, – продолжал незнакомец. – Проснись, пожалуйста.

Маркиз вовсе не спал. Зачем его будить? О чём болтает этот чужак? Маркиз мог бы ответить, но работа не ждёт. Расчлняя очередную бывшую овцу, Маркиз думал обо всём этом и наконец решил объяснить этому типу, что он ему мешает.

– Я люблю работать, – сказал Маркиз.

Его друг с длинным гибким носом и большими ушами согласно кивнул.

Они продолжали работу. Друг Маркиза свалил останки в яму и прижал сверху. Дно ямы опустилось, и образовалось свободное место.

Маркиз старался не обращать внимания на чужака, который теперь стоял прямо позади него, и страшно удивился, когда ему зажали рот и скрутили руки за спиной. И что теперь делать? Очевидно, он сбился с шага, и надо позвать на помощь, окликнуть друга, но с залепленным ртом он мог только промычать нечто нечленораздельное.

– Это я, – прошипел голос ему в ухо. – Перегрин. Твой брат. Ты попался пастухам. Надо выбираться отсюда. О, чёрт.

Раздался лай. Звук приближался, перешёл в радостный визг и победный вой, который подхватили другие голоса.

– Где твой соплеменник? – пролаял кто-то из сторожей.

– Туда пошёл, – прогудел в ответ низкий голос, как будто слон трубил в хобот. – С тем, другим.

– Каким ещё другим?

Маркиз надеялся, что его найдут, и всё встанет на свои места. Произошла явно какая-то ошибка. Надо идти в ногу со стадом, а он сбился. Но ведь это не нарочно. Он хотел работать.

– Людова калитка!¹¹ – ругнулся Перегрин, и их окружили... люди не люди: остролицые, с ног до головы в шерсти, они возбуждённо переговаривались.

Маркизу развязали руки, но пластырь на губах оставили. Он не возражал. Ему нечего было сказать.

Слава богу, всё кончилось, и можно вернуться к работе. Но, к удивлению Маркиза, его вместе с похитителем и длинноносым другом повели по деревянному настилу прочь от ямы. Наконец они попали в какой-то улей, состоящий из маленьких комнаток вроде пчелиных сот. В каждой из них сидели люди и трудились над чем-то в унисон.

Вверх по узкой лестнице. Один из конвоиров, в лохматой шубе, поскрёбся в дверь. Изнутри ответили: «Войдите!», – и Маркиз затрепетал, словно от плотской страсти. Это был голос человека, которому Маркиз всю жизнь стремился угодить. (А сколько длилась целая жизнь? Неделю? Две?)

– Блудная овца, – пролаял конвоир. – И хищник. И ещё одна овца.

Просторная комната была увешана картинами: большей частью пейзажи маслом, потемневшие от времени, пыли и дыма. В глубине стоял стол, за которым сидел человек спиной к вошедшим.

– Всего-то? – Человек за столом даже не обернулся. – По какому праву вы беспокоите меня подобной чепухой?

– По вашему же приказу, – Маркиз узнал голос своего неудавшегося похитителя, – изловить меня, если я сунусь в Шепердс-буш, и доставить к вам лично.

Человек отодвинул стул, поднялся, сделал несколько шагов и вышел на свет. У стены стоял посох с крюком на конце, и человек, проходя, взял его. Несколько долгих секунд он изучал арестантов.

– Перегрин? – промолвил он наконец, и Маркиз ощутил тот же трепет. – Я слышал, ты ушёл на покой. Вроде как постригся в монахи. Я и не мечтал, что ты посмеешь вернуться.

(Все мысли Маркиза вдруг заполнило что-то очень большое. В голове и в сердце у него точно стал надуваться огромный шар, который почти что можно было потрогать.)

Пастух протянул руку и сорвал пластырь с губ Маркиза. Маркиз понимал, что любой знак интереса со стороны этого человека должен бы привести его в восторг.

– Ну надо же... Кто бы мог подумать? – У пастуха был глубокий, звучный голос. – Он здесь. И уже один из нас. Маркиз Карабас. Знаешь, Перегрин, я предвкушал, как вырежу тебе язык и заставлю смотреть, как дробятся один за другим суставы на пальцах, но даже представить не мог такой восхитительный оборот дела: только подумай, последним, что ты увидишь в жизни, будет твой собственный брат, овца из нашего стада и твой палач.

(Шар в голове у Маркиза продолжал расти.)

Пастух был полный, сытый человек, и хорошо одетый, с волосами песочно-серого цвета и утомлённым выражением лица. На нём было прекрасное пальто, хотя и не совсем по размеру. Пальто цвета мокрого асфальта в полночный час.

Маркиз наконец понял, что за огромный горячий шар рос в его голове. Ярость. Она жгла его изнутри, как лесной пожар, пожирая всё на своём пути алыми языками пламени.

Пальто. Элегантное. Красивое. Совсем рядом – только руку протяни.

Вне всяких сомнений – его пальто.

Маркиз Карабас ничем не выдал своего пробуждения. Это было бы непростительной ошибкой. Он соображал как мог быстро. Обстановка комнаты вряд ли могла быть чем-то полезна. Единственное его преимущество над пастухом и его псами заключалось в том, что он не спал и мог себя контролировать, а они этого пока не знали.

Маркиз Карабас построил в уме гипотезу, ещё разок её обдумал и приступил к действиям.

– Прошу прощения, – вежливо вмешался он, – но, боюсь, я опаздываю. Нельзя ли поскорее? У меня ужасно важные дела.

Пастух оперся на посох. Он не проявил никакого участия к «срочным делам» и сказал только:

– Ты уже не в стаде, Карабас.

– Похоже на то, – согласился Маркиз. – Привет, Перегрин. Отлично выглядишь. И Слон тут. Замечательно. Все компания в сборе. – Он повернулся к пастуху. – Приятно было познакомиться. Я чудно провёл время в вашем стаде великих мыслителей. Но вынужден откланяться. Важная дипломатическая миссия. Срочная депеша. В общем, вы поняли.

– Боюсь, братец, ты не сознаёшь всей серьёзности положения... – начал Перегрин.

Маркиз отлично сознавал серьёзность положения.

– Я уверен, что эти милые люди, – он указал на пастуха и трёх его лохматых остролицых «овчарок», которые взяли их в кольцо, – меня отпустят, если ты останешься. Это ведь за тобой они охотились. А у меня, как я уже говорил, важное письмо.

– Я с ними разберусь, – пообещал Перегрин.

– Умолкни для начала, – сказал пастух. Он взял пластырь, который отклеил с губ Маркиза, и прилепил его Перегрину.

Пастух был ниже Маркиза ростом и намного толще, так что великолепное пальто смотрелось на нём нелепо.

– Важное письмо, говоришь? – поинтересовался он, отряхивая руки от пыли. – И что же это за послание?

– Боюсь, я не могу вам этого сказать, – ответил Маркиз. – Вы не являетесь адресатом этого дипломатического коммюнике.

– А почему бы и нет? Что в письме? Для кого оно?

Маркиз пожал плечами. Его пальто было так близко, он мог бы протянуть руку и дотронуться до него.

– Я вам его не отдам. Даже не покажу. Разве что под страхом смерти, – ответил он как бы нехотя.

– Нет ничего проще. Угрожаю тебе смертью. Ты и так к ней уже приговорён за вероотступничество от стада. А этот смешливый малый, – пастух указал посохом на Перегрин, который вовсе не смеялся, – пытался украсть из стада овцу. За это тоже полагается смертная казнь, вдобавок ко всему прочему, что мы хотим с ним сделать.

Пастух взглянул на Слона.

– Надо было, конечно, раньше спросить, но, старуха Олдвич меня разрази¹², это ещё что такое?

– Я верная овца из стада, – скромно ответил Слон, и Маркиз подумал: неужели его голос звучал так же тускло и безвольно, когда он сам был овцой. – Я не сбился с шага, в отличие от него.

– Стадо благодарит тебя за работу, – ответил пастух. Он протянул руку и осторожно дотронулся до острого кончика бивня. – Я никогда не встречал таких, как ты, и не дай бог ещё когда-нибудь встречу. Пожалуй, тебя тоже лучше казнить.

Слон передёрнул ушами.

– Но ведь я в стаде...

Пастух взглянул Слону в лицо – для этого ему пришлось задрать голову.

– Бережёного бог бережёт, – сказал он и обернулся к Маркизу: – Ну, так где письмо?

– У меня под рубашкой, – ответил Карабас. – Повторяю, это невероятно важный документ. Прошу вас, не пытайтесь его у меня отнять. Ради вашего же блага.

Пастух рванул на Маркизе рубашку. Пуговицы отлетели и запрыгали по полу. Пластиковый футляр с письмом лежал во внутреннем кармане.

– Как всё это неудачно вышло. Но я надеюсь, мы хотя бы узнаем перед смертью его содержание? – сказал Маркиз. – Если вы соблаговолите прочесть письмо вслух, мы будем слушать затаив дыхание. Правда, Перегрин?

Пастух открыл коробочку. Осмотрев конверт со всех сторон, он оторвал краешек и извлёк выцветший листок бумаги. Вместе с листком из конверта высыпалась пыль и повисла в стоячем воздухе тускло освещённой комнаты.

– *«Моя дорогая прекрасная Друзилла»,* – прочёл пастух. – *«Пусть ты пока не питаешь ко мне тех нежных чувств, какие я питаю к тебе...»* Что это за вздор?

Маркиз ничего не ответил и даже не улыбнулся. Он, как и обещал, затаил дыхание, надеясь, что Перегрин понял его намёк; и чтобы не думать о том, как мучительно хочется вдохнуть, считал про себя: «Тридцать пять... тридцать шесть... тридцать семь...»

Интересно, как долго грибные споры продержатся в воздухе?

«Сорок три... сорок четыре... сорок пять... сорок шесть...»

Пастух умолк.

Маркиз отступил на шаг, боясь, как бы ему не всадили нож под рёбра или не вцепились в горло зубами стражи в лохматых шубах, но за спиной никого не было. Он стал пятиться к двери, подальше от овчарок и от Слона.

Перегрин рядом с ним тоже пятился к двери.

Лёгкие жгло, в ушах звенело, в висках ещё громче этого звона стучала кровь. Лишь когда Маркиз наткнулся спиной на книжный шкаф у стены, так что дальше от конверта отступать было некуда, он позволил себе глубоко вдохнуть и услышал, что Перегрин тоже втянул носом воздух.

Послышался треск. Перегрин открыл рот пошире, пластырь отклеился и упал на пол.

– Какого, – выдохнул Перегрин, – чёрта тут происходит?

– Если не ошибаюсь, мы с тобой пытаемся выбраться из этой комнаты и благополучно покинуть Шепердс-буш, – ответил Маркиз. – А ошибаюсь я крайне редко. Будь добр, развяжи мне руки.

Он почувствовал, как Перегрин возится с узлом и разматывает верёвку.

Раздалось низкое ворчание.

– Поймаю – убью, – пообещал Слон. – Кому-нибудь. Вот только разберусь, кому.

– Кого, а не кому, – поморщился Маркиз, растирая запястья. Пастух и овчарки тем временем неуверенно двигались к двери. – А вообще-то, никого, если хочешь вернуться домой в Замок целым и невредимым.

Слон недовольно помахал хоботом.

– Вот тебя-то я и убью.

Маркиз осклабился.

– Так и хочется сказать «пффф!» – сказал он. – Или даже «трень-брень-дребедень». В жизни не употреблял подобных выражений. Но сейчас вот прямо вертится на языке.

– Темпл и Арка, да что в тебя вселилось? – спросил Слон.

– Вопрос неверный. Позволь тебе подсказать. Спросить следует, что НЕ вселилось в нас троих. Мы с Перегрином задержали дыхание, а тебе не знаю даже почему так повезло. Может быть, из-за твоей слоновьей толстой кожи, а скорее всего, потому, что ты дышишь через хобот, а он висит у самой земли. Зато в наших тюремщиков КОЕ-ЧТО вселилось. И это КОЕ-ЧТО – живые споры. Теперь они будут жить в нашем солидном пастыре и его дружках-недопсах.

– Споры Гриба? – уточнил Перегрин. – Гриба Грибного народа?

– Вот именно, – подтвердил Маркиз Карабас.

– Ну и дела, – пробормотал Слон.

– Поэтому, – обратился к нему Маркиз, – если ты попробуешь убить меня или Перегрин, во-первых, у тебя ничего не выйдет, а во-вторых, ты всем нам подпишешь приговор. А если ты замолчишь, и все мы будем вести себя как приличные овцы, то у нас есть шанс. Споры уже пробираются к ним в мозг. Грибница вот-вот позовёт их домой.

Пастух твёрдой походкой шагал вперёд. В руке он держал крючковатый посох. За ним шли трое: один со слоновьей головой; второй – высокий и до странности привлекательный; третий носил великолепнейшее пальто. Оно сидело безупречно и было цвета мокрого асфальта в полночный час.

Следом выступали овчарки с таким видом, будто пройдут огонь и воду на пути к своей цели – или, во всяком случае, к тому, что считается целью.

Пастухи с собаками (которые на самом деле были – когда-то – людьми) часто перегоняли овец с место на место. Это было совершенно обычное дело в Шепердс-буш. Так что если кто и видел, как группа направляется куда-то за пределы поля, то не придавал этому значения. Все продолжили делать то, что делали в стаде всегда. Если овцам казалось, что власть пастухов ослабла, они терпеливо ждали, когда придёт другой пастух и позаботится о них, защитит от хищников и от всего остального мира. Ведь страшно всё-таки быть одному.

Всемером они достигли берегов Килберна¹³, где Маркиз, Перегрин и Слон остановились, а пастух с овчарками пошли вброд.

Они думали сейчас только о том, как поскорее добраться до Грибницы, вкусить её плоть, принять её в себя и служить ей – верой и правдой. А Грибница, в свою очередь, решит за них неудобные вопросы и весьма разнообразит их внутренний мир.

– Надо было всё-таки их убить, – сказал Слон, глядя вслед пастуху и овчаркам.

– Какой смысл? – ответил Маркиз. – Мстить уже некому. Тех, кто держал нас в плену, больше не существует.

Слон громко хлопнул ушами и энергично почесал одно, потом другое.

– Кстати, о мести. Для кого ты всё-таки украл тогда мой дневник?

– Для Виктории, – признался Карабас.

Слон помолчал.

– На неё я не подумал. В тихом омуте...

– Кто бы спорил, – сказал Маркиз. – Между прочим, она мне недоплатила. Так что я сам выбрал небольшой сувенир с целью покрыть дефицит.

Карабас сунул руку под пальто, нащупал карманы, сперва простые, потом менее заметные, и наконец, к собственному удивлению, самый-самый потайной. Он залез в карман и вытянул оттуда увеличительное стекло на цепочке.

– Оно принадлежало Виктории, – сказал Маркиз. – Используется, я полагаю, для того, чтобы смотреть сквозь непрозрачные предметы. Может быть, это пойдёт в счёт моего долга?..

Слон вынул что-то из собственного кармана – Маркиз не заметил, что именно – и стал, прищурившись, разглядывать через лупу. Потом издал нечто среднее между довольной усмешкой и победным рёвом.

– Отлично, просто отлично, – сказал он, спрятал обе вещицы и добавил: – Надо полагать, спасение моей жизни стоит дороже украденного дневника. Хотя, если бы мне не пришлось лезть за тобой в сточную трубу, тебе не пришлось бы меня спасать. Однако дальнейшие препирательства бесполезны. Считай, мы квиты.

– С удовольствием загляну как-нибудь на огонёк в Замок, – сказал Маркиз.

– Не искушай судьбу, приятель, – посоветовал Слон, угрожающе помахивая хоботом.

– Не буду, – пообещал Маркиз, хотя, правду сказать, именно благодаря его привычке искушать судьбу она и была к нему до сих пор столь благосклонна. Он оглянулся и увидел, что Перегрин исчез, ускользнул во мрак самым таинственным и возмутительным образом, даже не попрощавшись.

Маркиз терпеть не мог, когда так делают.

Он отвесил Слопу лёгкий учтивый поклон, и пальто, знаменитое чудесное пальто, подхватило его движение, подчеркнуло и подало в самом лучшем свете. Так поклониться мог только Маркиз Карабас. Кто бы он ни был.

Следующий Плавающий Рынок устроился в Садах-на-крыше в Кенсингтоне. Когда-то они назывались «садами Дерри и Тома», по имени универмага, которому принадлежала крыша, но магазин закрылся уже сорок лет назад. Однако в Под-Лондоне у времени с пространством особые отношения, и для под-лондонцев Сады-на-крыше остались моложе и невиннее, чем для наших глаз. Над-Лондонцы – юноши и девушки, все в туфлях со слоистыми каблуками, ярких майках и клёшах – не обращали на под-лондонцев никакого внимания.

Маркиз Карабас быстрым, уверенным, хозяйским шагом направлялся к рядам с провизией. Он прошёл мимо маленькой женщины с полной тачкой заветренных сырных сэндвичей, мимо палатки с карри, мимо низенького человечка с целым аквариумом слепых бледных рыб и длинной вилкой для жарки, пока, наконец, не добрался до прилавка, где продавали Гриб.

– Один прожаренный ломтик, пожалуйста, – заказал Маркиз Карабас.

Грибник за прилавком был ниже ростом, но полнее Маркиза, с жидкой шевелюрой песочного цвета и замученным выражением лица.

– Сейчас будет готово, – сказал он. – Ещё что-нибудь?

– Нет, спасибо. – ответил Маркиз, помолчал и добавил с любопытством: – Вы меня не помните?

– Боюсь, что нет, – ответил грибник. – Но пальто у вас замечательное.

– Благодарю, – сказал Маркиз, огляделся и спросил: – А где тот паренёк, что раньше здесь работал?

– А. Это любопытная история, сэр, – сказал грибник. От него пока не пахло сыростью, но небольшая колония грибков на шее уже выросла. – Кто-то донёс прекрасной Друзилле из Рейвенскорта, что наш Винс имеет на неё виды и послал ей – хотите верьте, хотите нет – письмо со спорами, чтоб она стала, значит, его невестой во Грибе.

Маркиз вопросительно приподнял бровь, хотя его вовсе не удивило такое заявление. Собственно, он сам и доложил это Друзилле, и даже показал ей то самое письмо.

– А девушка что же?

– Не думаю, что ей понравилось это, сэр. Нет, не думаю. Она с сёстрами подстерегла нас по дороге на Рынок. Сказала, им с Винсом надо поговорить с глазу на глаз. Он прямо расцвёл, и пошёл с ней, значит, выяснить, о чём там она хотела «поговорить». Я его прождал на рынке до вечера. Теперь уж, я думаю, вряд ли он придёт. – Грибник помолчал и добавил мечтательно: – Красивое пальто. У меня, кажется, было такое. Давно.

– Не сомневаюсь, – ответил Маркиз, вполне довольный услышанным, и надрезал ломтик Гриба. – Но это пальто определённо моё, и ничьё больше.

Выходя с Рынка, он приостановился на лестнице и кивнул молодой женщине необыкновенной красоты. У неё были длинные рыжие волосы и чёткий профиль, будто с картины прерафаэлиты, а на запястье – родинка в форме пятиконечной звезды. Другой рукой она поглаживала большую взъерошенную сову, которая недоверчиво смотрела на мир (что для этого вида птиц весьма необычно) бледно-голубыми глазами.

Маркиз кивнул ей. Девушка покосилась на Маркиза и сразу отвела взгляд – так ведёт себя тот, кто начал понимать, что оказался в долгу у Маркиза Карабаса.

А он любезно кивнул ей и продолжил спускаться по лестнице.

Друзилла поспешила за ним, как будто хотела что-то сказать.

Маркиз Карабас опередил её. Внизу лестницы он помедлил, думая о людях и о вещах, и о том, как трудно делать что-то впервые. А потом, завернувшись в пальто, скользнул в тень самым таинственным, можно сказать, возмутительным образом, и исчез, не попрощавшись.

*Перевод с английского
Марии Рябцевой, aka Asea_Aranion*

¹ *Белфаст* (англ. Belfast, тж. HMS Belfast) – британский лёгкий крейсер времён Второй мировой войны. Назван в честь города Белфаста – столицы Северной Ирландии. В настоящее время является кораблём-музеем и находится на постоянной стоянке в центре Лондона на реке Темзе, в районе Тауэрского моста. – *Здесь и далее прим. перев.*

² *Рейвенскорт* (англ. Ravenscourt, букв. «врановый двор») – парк в западной части Лондона. Такое же название имеет близлежащая станция метро.

³ *Бишопсгейт* (англ. Bishopsgate, букв. «епископские ворота») – один из административных районов Лондона, названный в честь бывших ворот в лондонской городской стене. В наши дни место, где располагались эти ворота,

отмечает каменная епископская митра, украшающая здание на пересечении дороги Бишопсгейт и Вормвуд-стрит.

⁴ *Шепердс-буш* (англ. Shepherd's Bush, букв. «пастуший куст») – район западного Лондона, а также станция метро.

⁵ *Мортлейк* (англ. Mortlake, букв. «мёртвое озеро») – пригородный район на юго-западе Лондона.

⁶ *Тайберн* (англ. Tyburn) – один из притоков Темзы. В настоящее время он полностью течёт по подземным искусственным каналам.

⁷ *Слон и Замок* (англ. Elephant and Castle) – станция лондонского метрополитена в центральной части города и бытовое название близлежащего района, официально именуемого Ньюингтон (Newington). Название происходит от древнего постоялого двора.

⁸ *Темпл* (Внутренний Темпл и Средний Темпл) – два из четырех древнейших судебных иннов, расположенных в районе с тем же названием, который долгое время принадлежал ордену тамплиеров. В современном Лондоне существует также станция метро «Темпл». *Арка* происходит от названия Церкви на Арках (церкви Сент-Мэри-ле-Боу), где заседал апелляционный суд – Court of Arches («Суд Арок»). Темпл и Арка в Под-Лондоне превращаются в своеобразных божеств.

⁹ *Регрине* – от лат. «странствующий»; также английское название хищной птицы, сокола-сапсана. Это самая быстрая птица в мире – в пикирующем полёте она способна развивать скорость свыше 322 км/ч, или 90 м/с. Сокол – древний символ солнца и света, победы и превосходства, защиты и свободы. С соколом сравнивают воина-единоборца, подразумевая такие качества, как рыцарство, храбрость, сила, ловкость, ум, мужественная красота.

¹⁰ Отсылка к римскому завоеванию Британии (I-V вв.), во время которого и был основан Лондон (43 г. н.э.).

¹¹ Игра слов: *Людгейт* (англ. Ludgate) – западные ворота в лондонской городской стене. Название сохраняется в нескольких городских топонимах и происходит, по одной из версий, от имени древнего короля Люда, похороненного в этом месте.

¹² Игра слов: название района и закрытой станции метро Олдвич (Aldwych) в центральном Лондоне произносится так же, как «старая ведьма» - 'old witch'.

¹³ *Килберн* (англ. Kilburn) – территория на северо-западе Лондона. Название происходит от одноимённой речки, ныне заключённой в подземную трубу.